

известия. - 2005. - 1 февр. - с. 14

Киньяр сыграл роман на виоле да гамба

Николай Александров

Роман «Все утра мира» одного из самых известных современных французских писателей, гонкуровского лауреата Паскаля Киньяра выходит не впервые. Впрочем, первое его издание было практически не замечено. Сегодня же роман воспринимается в совершенно ином контексте. Хотя бы потому, что недавно переиздана знаменитая работа Киньяра «Секс и страх», вышел на русском языке его роман «Лестницы Шамбора».

Это исторический роман, что для Киньяра вовсе не удивительно. Он уверенно чувствует себя в истории. Он и в современность помещает реалии и приметы прошлого, как, например, в романе «Лестницы Шамбора». И пусть это всего лишь незначительные и смешные вещи (антикварные детские игрушки), но именно на них во многом держится художественный мир Киньяра. Забавно, что главный герой «Лестниц Шамбора», увлеченный коллекционированием старинных безделиц, погруженный в предметный мир прошлого, терпеть не может музыку. Как будто она вступает в противоречие с вещественностью и материальностью, нарушает порядок бытия. Забавно, потому что роман «Все утра мира» посвящен как раз музыке, и здесь главный герой как раз терпеть не может живопись, архитектуру и литературу.

Киньяр рассказывает историю музыканта, господина Сент-Коломба, который после смерти жены уединенно жил вместе с двумя дочерьми в своем имении, все время посвящая игре на виоле да гамба. Во владении этим инструментом он достиг невероятного мастерства. Его учеником был знаменитый музыкант конца XVII — начала XVIII века Марен Маре.

История господина Сент-Коломба — история его тайны, тайны его музыки. У Киньяра она очень проста. Все то, что недоговорила любовь Сент-Коломба за годы женитьбы, она договаривает с помощью виолы да гамба после смерти жены. Музыка оказывается языком, который вятен умершим, который даже способен их вызвать из небытия. «Музыка, — говорит Сент-Коломб, — нам дана просто для выра-

жения того, что не может выразить слово. В этом смысле она не вполне человечесна. Музыка существует, «чтобы те, кто утратил речь, могли омочить губы». Она звучит «для тени умершего ребенка, для стука молотка сапожника. Для жизни, предшествующей младенчеству. Когда еще не дышишь воздухом. Когда еще не видишь света». Музыка существует до жизни и после нее. Она говорит о сути вещей и рождается из самого существа мира, из его голоса, из ветра, из мелодии речи и даже из «журчания мочи, расплавляющей снег, смешавшегося с шорохом падающих снежинок». У Киньяра получается, что предметность растворяется в музыке. Музыка начинается тогда, когда невозможно телесное существование, невозможно никакое другое воплощение. И поэтому он отказывается в романе от сложной фразы и изысканных синтаксических построений, которые так любит. Он пишет намеренно просто, сводя роман к чистой мелодии, он пытается добиться того, чтобы тайна Сент-Коломба была слышима, он как будто сам играет на старинной виоле да гамба.

Паскаль Киньяр. Все утра мира / Пер. с фр. И. Волевич. СПб.: Азбука, 2004. — 128 с.

